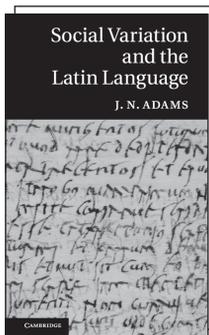

Библиография

- Гудков Л., Дубин Б., Зоркая Н. Постсоветский человек и гражданское общество. М.: Московская школа политических исследований, 2008.
- Меньшиков А.С. Политическая модерность и постсоветская социальность // Известия Уральского федерального университета. Сер. 3. Общественные науки. 2013. № 1 (112). С. 102–115. <http://urfu.ru/no_cache/science/scientific-publications/izvestija-urfu/download-file/Izvestia_0100_01_2012_seria03.pdf/24398/11307/1bbalea0/>.
- Рудова Л. Гламур и постсоветский человек // Неприкосновенный запас. 2009. № 6 (68). <<http://magazines.russ.ru/nz/2009/6/ru17.html>>.
- Ушакин С. Бывшее в употреблении: Постсоветское состояние как форма афазии // Новое литературное обозрение. 2009. № 100. <<http://magazines.russ.ru/nlo/2009/100/ush55.html>>.
- Шор-Чудновская А. Понять постсоветского человека // Неприкосновенный запас. 2009. № 6 (68). <<http://magazines.russ.ru/nz/2009/6/an16.html>>.

Лариса Дериглазова

Adams J.N. *Social Variation and the Latin Language*. Cambridge: Cambridge University Press, 2012. 933 p.

Дмитрий Владимирович Сичинава
Институт русского языка
им. В.В. Виноградова РАН,
Москва
mitrius@gmail.com

Автор рецензируемой книги «Социальное варьирование и латинский язык» британский лингвист Дж.Н. Адамс — уникальная фигура среди современных латинистов. Почетный член колледжа All Souls в Оксфорде за десять лет, помимо рецензируемой, выпустил еще две фундаментальные монографии без соавторов: «Двуязычие и латинский язык» (2003) и «Региональные разновидности латинского языка от 200 года до н.э. до 600 года н.э.» (2007). Совокупный объем

этих трех работ — две с половиной тысячи страниц. Высокий уровень этих книг уже отмечался многочисленными рецензентами; по-видимому, трилогия Адамса будет наиболее авторитетным («стандартным») изложением соответствующей проблематики на много лет вперед. Все три книги вышли, впрочем, не в Оксфорде, а в “the Other Place”, как там говорят, — Cambridge University Press.

Как известно, латинский язык точно так же, как большинство языков мира (а особенно обслуживающие столь большие и сложно устроенные общества), был неоднороден социолингвистически. Давно уже известен термин «вульгарная латынь» (*sermo vulgaris*; в отечественной традиции принято чуть более мягкое соответствие — «народная латынь»), ассоциируемый с латинским *vulgus* — простой народ. Согласно традиционной картине, языковые изменения, ведущие от латинского языка к романским, происходили именно в языке простонародья. Социальная и культурная элита использовала более консервативную классическую латынь, и именно этот язык (за небольшими исключениями вроде Плавта или Петрония, где авторы стилизуют речь персонажей-вольноотпущенников или рабов) и отразился в литературных сочинениях, но предком румынского или португальского не стал. Таким образом, римское общество как будто бы было фактически двуязычным, и «народная латынь» якобы представляла собой полностью автономную от языка высших слоев общества языковую систему (так называемая «двухнормная теория»). Существуют многочисленные исследования и грамматики народной латыни, опирающиеся на эпиграфику, другие бытовые тексты (например, помпейские граффити или римские аналоги берестяных грамот — таблички из Виндоланды) и литературные сочинения, отражающие речь простого народа. В целом социолингвистическая информация о мертвом языке, разумеется, ограничена; нам неизвестно точное социальное происхождение авторов множества текстов, и наоборот, лингвистическая документированность целых социальных групп чрезвычайно скудна. Именно эта недостаточная дифференцированность и является причиной, по которой термин «народная латынь» получил широкое распространение и в определенной степени полезен практически; часто более подробной стратификации, чем «элита vs. простой народ», в источниках просто нет.

Тем не менее социологические исследования современных языков (прежде всего надо назвать работы выдающегося социолингвиста У. Лабова) показали, что наряду с языковыми изменениями «снизу» происходят как языковые изменения «сверху» (язык элит считается более престижным, и социальные низы усваивают его элементы), так и масштабные сдвиги,

захватывающие все слои общества. Что касается изоглосс (например, фонетических), которые якобы делят общество в точности по социальным классам, то такое совпадение представляет собой в современности крайне редкое, если вообще отмеченное явление. Социальные различия в языке представляют собой континуум признаков, а не жесткую границу. Кроме того, нужно различать непринужденную (*casual*) и формальную (*careful*) речь представителей одного и того же социального слоя; их языковые признаки могут различаться довольно сильно. Не так же ли, в общих чертах, обстояло дело и в античном языковом социуме?

Автор сосредоточивает свое внимание на этой проблеме применительно к латинскому языку, исследуя с социолингвистической точки зрения три десятка конкретных сюжетов на всех уровнях языка, от фонетики до синтаксиса. Именно обсуждение конкретных языковых изменений и составляет большую часть книги, примерно восемьсот из девятистот страниц; теоретические вопросы и взгляды предшественников затрагиваются, но подробно не пересказываются (первая, теоретическая, часть занимает только 23 страницы). Эта книга, по определению автора, — *topic-based*, она опирается на многочисленные факты собственно языковой системы, и в этой верифицируемой подробности ее основное достоинство. Перед нами образец кропотливого корпусного (или, если угодно, «филологического») исследования множества памятников, происходящих из самых разных социальных страт. Автор использует широкий круг памятников (как «низкого регистра», вроде ветеринарных пособий, так и римскую классику) и древних «социолингвистических» свидетельств (*testimonia*), учитывая неоднозначность многих из них, делает отступления с индивидуальным анализом (*case study*) конкретных памятников. Примеры обсуждаются детально, автор обращает внимание на проблемы интерпретации тех или иных примеров, их частотность, семантические вопросы (например, отличие перфекта от посессивно-результативной конструкции или чисто артиклевых от указательных употреблений). Используются работы не только филологов-классиков, но и теоретиков языка, типологов (например, монографии «Число» и «Род» Гревилла Корбета и «Пассив» Анны Северской). Исследование это, таким образом, представляет собой не только текст на заявленную в заглавии тему, но и подробно выписанный фрагмент исторической грамматики латинского языка как таковой, имеющий большую ценность независимо от социолингвистической стороны дела.

Оптика «взгляда снизу» скрадывает от исследователя ряд фактов, свидетельствующих об изменениях в речи элит. Так, доказательством тех или иных фонетических изменений в языке

латинского *vulgus* считается орфография простонародных текстов, например *pane* вместо *panem* 'хлеб' (Вин. ед.). Между тем в большинстве случаев здесь дело лишь в большей строгости литературной орфографии, скрадывающей живое произношение, а фонетические изменения для всех носителей языка были едиными (точно так же, как носитель современной орфографической и орфоэпической нормы, который в XXI в. пишет в соответствии с произношением XIV в. *корова* или *видишь*, не окает и не произносит на конце мягкого [ш']). В целом письменная форма языка существенно более консервативна, чем устная, что затрудняет изучение хронологии изменений; автор приводит пример из истории нидерландского языка (Р. 25), где один вариант предложного управления с большим трудом (при ожесточенной реакции пуристов) проникает в печать только в конце XX в., хотя, как мы, по счастью, знаем, существовал уже и в XVII в.

Иногда к народной латыни относят формы, не рекомендованные античными грамматистами или даже эксплицитно названные ими «плебейскими», «деревенскими» или «простонародными». Проблема в том, что (точно так же, как и в современном языке) школьная норма (и тем более связанная с ней стигматизация) сплошь и рядом носила искусственный или гиперархаизирующий характер. Обращение к реальному корпусу текстов незамедлительно показывает, что тонкий стилист Тит Ливий регулярно использовал конструкции, запрещавшиеся, допустим, Варроном. Категоричное «никто так по-латыни не говорит» у грамматистов сплошь и рядом означает «все так только и говорят». Ряд слов, дошедших до романских языков, например, *manducare* в смысле 'есть' (ср. фр. *manger*), обычно считаются «вульгарными», но император Август употреблял их в частных письмах точно так же, как и вольноотпущенники у Петрония. Наиболее отчетливо автор выражает свое отношение к традиционному взгляду на с. 829: «Данный случай демонстрирует бессмысленность любой точки зрения, согласно которой развитие, отразившееся в романских языках, коренится исключительно в загадочной (*shadowy*) народной латыни, отличной от классического языка».

В целом латинская языковая ситуация, особенно поздняя, в некоторых отношениях напоминает существенно более упрощенную средневековую русскую (как древне-, так и среднерусского периода), где тоже сосуществовали несколько регистров письменности: как литературные с их церковнославянской ориентацией, так и бытовые / деловые тексты, более близкие к разговорной речи, с существенно более широкой вариативностью в орфографических, грамматических и лексических признаках (но, как и в Риме, с несравненно меньшим объемом дошедшего до

нас корпуса). Точно так же, как и в случае с народной латынью, фонетические, грамматические и лексические изменения, ведущие к современным восточнославянским языкам, надежнее прослеживаются в бытовых текстах, чем в книжных. Одни и те же люди, несомненно, умели (даже специально учились) писать как то, так и другое (ср. бытовые берестяные грамоты, написанные священниками, или приписку в бытовой орфографии, сделанную тем же писцом к написанному более строго основному тексту одной из грамот), в книжные тексты спорадически проникали элементы, включая диалектные, выдающие живую речь писцов. Жестких языковых границ в том, что касалось повседневной речи, между социальными слоями, сколько можно судить по скудным данным, не наблюдалось; конкретные письменные памятники занимали различные позиции в континууме «книжный — бытовой» по различным языковым параметрам. Слабо засвидетельствована в традиционных книжных памятниках бытовая лексика, считавшаяся «низкой». Разумеется, на Руси не было такой развитой и разнообразной по тематике литературы, нормативного образования и метаязыковой рефлексии, как в Риме, общество было существенно слабее стратифицировано, меньшую роль играл местный «варварский» языковой субстрат и адстрат, и всё же многие явления были похожи.

Вторая часть книги называется «Фонология и орфография», и ее цель амбициозна: «Полное обсуждение большинства, если не вообще всех, важнейших фонологических изменений, произошедших в истории латинского языка на протяжении его письменной истории и оставивших след в романских языках» (Р. 31). Автор ставит целью установить, были ли какие-либо из этих изменений связаны с социолингвистической вариативностью. Здесь подробнее рассматривается проблема интерпретации «орфографических ошибок» (misspellings), являющихся одним из важнейших источников фонологической информации, их типология, частотность, систематичность и т.д. Сюжеты, обсуждаемые в этом разделе — система гласных, дифтонги, синкопы (типа *calidus* > *caldus* ‘горячий’), стяжения, неправильное употребление начального *h*, судьба конечных согласных, контактная ассимиляция согласных (типа *kt* > *tt*, как в итальянском), варьирование согласных *b* и *v*.

Адамс приходит к выводу, что практически во всех этих пунктах изменение затронуло все слои общества и шло постепенно; ошибки в долготях или качестве гласных совершают и сами грамматисты, и удерживание старых норм носило во многом гиперкорректный характер. Исследователь обращает внимание на то, что нельзя полностью отождествлять ранние народно-латинские (типа *ogum* вместо *augum*) и поздние романские изменения (совр. ит. и исп. *ogo*) и строить гипотезы, согласно

которым уже в период Римской республики в речи простонародья якобы существовали на тысячелетие «скрытые» (submerged) романские формы. Прямой преемственности между этими монофонгизациями нет, и фонологически они устроены иначе; кроме того, в ранний латинский период данное явление, как и многие другие, было лексически ограничено. Отмечались случаи искусственного восстановления ряда произношений (например, конечного -s, которое стигматизирует Цицерон как «деревенское») в речи образованных классов, а затем распространения этого изменения «сверху вниз». Не исключено, что некоторые «деревенские» варианты в действительности были связаны с диалектными различиями внутри Италии, а не прямо с социальными различиями внутри Рима. Едва ли есть хотя бы одно явление в латинской фонологии, прямо противопоставлявшее в какой-то период язык простонародья языку элиты (разве что переход $ae > e$, но и тут возможны иные трактовки).

Третья часть — «Падеж и предлоги» — посвящена развитию предложных групп и утрате латинских падежей в романских языках. Здесь рассматриваются синтаксис прямых падежей (номинатив и аккузатив), косвенные падежи и предложные сочетания, локативные конструкции, рефлексивный датив (считавшееся просторечным «лишнее» местоимение во фразе типа *quid tibi vis?* ‘что (себе) хочешь?’), предлоги в сравнительной конструкции. В этой области большинство изменений (автор приводит список 11 сдвигов) начались «снизу», но были и введенные элитными носителями и распространившиеся как престижные (предлог *ab* с компаративом). В целом невозможно сказать, чтобы все предложные сочетания, впоследствии развившиеся в романских языках, первоначально принадлежали только простонародному языку (хотя социальное измерение в этом языковом изменении очень значительно); подобные инновации есть у таких классиков, как Саллюстий, Овидий и Тацит, без какой-либо стилистической окраски.

Четвертая часть — «Черты морфологии и синтаксиса имени, местоимения и наречия» — состоит из подразделов «Род», «Указательные местоимения: некоторые морфологические изменения», «Определенный артикль и указательные местоимения», «Суффиксация и нестандартный латинский язык», «Сложные наречия и предлоги». С точки зрения употребления рода выделяются более конкретные социальные категории, чем расплывчатое «простонародье», а именно солдаты и ремесленники. Именно в речи этих двух групп начало распространяться употребление множественного числа среднего рода вместо мужского (*gladia* ‘мечи’ вместо *gladii*); их мы видим, в частности, в военных документах из Виндоланды. Характер-

ными для низших социальных слоев являются также новые падежные формы указательных местоимений типа *illaei* 'этой', но соединение указательных местоимений с формами типа *esse* 'вот' (ср. *esse* (*eccum*) *iste* > фр. *ce*, ит. *questo* 'этот'; *esse hic* > фр. *ici* 'здесь') было распространено и среди образованных римлян. Что касается артиклевого использования местоимений *ille* и *ipse*, то оно в латинских источниках, как высоко-го, так и низкого регистра, по сути, отсутствует. Ряд суффиксов, часто относимых к народно-латинским (типа *-os-us* или *-ati-us*), связаны не с социолектом, а с конкретной лексикой и нередки у Цицерона; нестандартными следует признать только некоторые уменьшительные (*-in-us*, *-inn-us*). Сложные наречия и предлоги (типа *de-intro* > ит., исп., порт. *dentro* 'внутри') осуждаются грамматиками, которые в то же время проговариваются, что это «общее выражение» (*communis elocutio*).

В пятой части «Черты глагольной морфологии и синтаксиса» обсуждается конструкция, давшая в романских языках перфект (типа *habeo receptam epistolam* 'у меня есть полученное письмо' > 'я получил письмо'). Автор придерживается точки зрения, согласно которой эти конструкции в классический период еще не были грамматикализованы как средство выражения перфекта и сохраняли посессивное значение, за исключением, может быть, конструкций с полнозначными глаголами «ментального приобретения» типа 'узнать' у Цицерона, которые сосуществовали с конструкцией *est mihi* 'мне есть' + причастие. Они носят сильно идиоматизированный характер и, возможно, не связаны диахронически с романским перфектом. Едва ли перфектная конструкция существовала в «народной латыни», как это часто считается; грамматикализация ее продолжалась и в старофранцузском. Точно так же нельзя отнести к языку низших слоев общества и происхождение современного романского футурума (типа *dicere habeo* > фр. *dirai* 'я скажу') и соответственно кондиционала; в латинских текстах низкого регистра эти сочетания с таким значением не отмечены (историческое будущее время там сохранено), они преобладают, причем скорее со значением долженствования, в текстах ученых авторов африканского происхождения. Столь же «ненародным» оказывается и употребление рефлексива в пассивном значении, и точно так же долго сохраняется в ненормированных текстах утраченный романскими языками синтетический пассив.

Шестая часть, «Черты подчиненных предложений», затрагивает такие синтаксические черты поздней латыни / ранних романских языков, как косвенная речь (с заменой *accusativus cum infinitivo* на подчинительный союз *quod*) и косвенный вопрос (с заменой конъюнктива на индикатив); к «изменениям снизу» можно отнести только второе.

Седьмая часть, «Черты словаря и порядка слов», открывается лексикологическим рассмотрением ряда конкретных единиц латинского словаря: лексического поля анатомических терминов и глаголов со значением 'идти', соединяющихся в романских языках в супплетивную парадигму (ср. фр. *je vais* от *vadere*, *j'allais* от *ambulare* и *j'irais* от *ire*). Автор показывает, что половина классических латинских анатомических терминов в современных романских языках утрачена, в то время как большая часть этой лексики восходит к маргинальным или не засвидетельствованным этимонам. Это ведет к идее о скрытом (*submerged*) пласте народно-латинской лексики, хотя не исключено, что данные слова употреблялись и в разговорной речи элиты, но не проникали (несколько, впрочем, всё же проскользнули) из стилистических соображений в литературные тексты. Что касается супплетивизма глагола 'быть', то фонетически слабые формы от *ire*, являющиеся причиной этого явления, начали исчезать уже в прозе республиканского периода. Само слово *vadere* изначально носило изысканно-литературный характер и лишь потом весьма медленно «спустилось» в разговорную речь. Затем рассматривается позиция инфинитива при вспомогательных глаголах (*ire volo* vs. *volo ire*). Оказывается, что, судя по свидетельствам, в латинском языке существовали письменная норма (порядок слов SOV) и норма непринужденной речи (*casual speech*) с порядком SVO, восторжествовавшим в романских языках.

В заключительной главе под названием «Подводя итоги» автор приводит итоговые списки языковых изменений, затрагивающих латинский язык в целом, изменений «сверху» и «снизу». Обсуждается также вопрос конкретных социально-языковых групп в рамках «простонародья» (плебс, вольноотпущенники, солдаты), «скрытых» и не задокументированных (но проявившихся в романских языках) явлений, а также возможных взаимовлияний греческого и латинского языков в указанный период.

Книга Адамса — обобщающая и вместе с тем потрясающе детальная работа о латинско-романском языковом переходе как таковом и одновременно наиболее современное и развернутое высказывание о социальном измерении латинского языка (особенно в сочетании с двумя первыми работами, о которых речь шла в начале рецензии). Безусловно, это выдающееся явление как в классической филологии, так и в социолингвистике.

Дмитрий Сичинава